

А. А. Харшак

Петр Евгеньевич Корнилов (1896–1981).

Творческий путь. Воскрешение

Публикация материалов биографии историка искусства, музейного деятеля, педагога, редактора и коллекционера Петра Евгеньевича Корнилова¹ заканчивалась конкретной датой — 1 мая 1942 г. Но это вовсе не значит, что дальнейшее изложение событий будет последовательно двигаться вперед, начиная от этого дня. То, что произойдет позже, имеет определенную основу в прошедшем времени. Пусть в недалеком, но прошедшем. Туда я буду обязательно возвращаться, хотя бы даже потому, что не упомянутые ранее события, а также действия и поступки героя повествования не только заслуживают внимания сами по себе, но и находят продолжение в дальнейшем.

Конец апреля 1942 г. определил новый этап в ритме жизни и деятельности Петра Евгеньевича Корнилова. И главным здесь было, конечно, начало его работы в издательстве «Искусство», где впоследствии ему удалось осуществить ряд очень значимых художественных проектов, ставших этапными для осажденного Ленинграда и Ленинградского фронта. Должность выпускающего редактора он занимал по совместительству, так как основным местом работы для него по-прежнему оставался Отдел графики Государственного Русского музея.

Все перечисленные в первой главе обязанности научного, организационного и хозяйственного характера отнимали много сил и времени, но ученый не прекращал заботиться о творческом наследии погибших художников, помогая их семьям в обеспечении сохранности произведений.

Так, 19 апреля его навестила художница Александра Васильевна Щекатихина-Потоцкая² — вдова И. Я. Билибина, оказавшаяся в бедственном положении. В желании помочь ей Корнилов решается обратиться с письмом к В. П. Потемкину (1878–1946),

Харшак

Андрей

Александрович,

заслуженный художник

Российской Федерации,

почетный член

Российской

Академии художеств

(Санкт-Петербург,

Россия)

занимавшему в тот период пост народного комиссара просвещения РСФСР, а в 1934–1937 гг. он был полномочным представителем (то есть послом) СССР во Франции и много сделал для возвращения Билибина и его семьи в Советский Союз в сентябре 1936 г. Черновик письма сохранился:

«26 апреля 1942 г.

Многоуважаемый Владимир Петрович!

Сообщаю Вам тяжелую весть, что в Ленинграде скончался старейший художник Иван Яковлевич Билибин, многим обязанный Вам при своем возвращении на Родину.

Зная Ваше доброе к нему отношение, решаюсь написать Вам несколько строк. После него осталась без всяких средств его вдова Александра Васильевна Билибина-Щекатихина — художница. Она в таком состоянии, что я боюсь за нее, поэтому прошу Вашего дружеского содействия в Комитете по делам Искусств при СНК СССР возбудить вопрос: 1) о предоставлении ей персональной пенсии за труды И. Я. Билибина — создавшего целую эпоху в русской графике XX века; 2) о приобретении (срочно) целого ряда его произведений для Русского музея и Гос. Третьяковской галереи; 3) об оказании ей необходимой помощи лечением, питанием и организацией жилищно-бытовых условий, разрушенных бомбардировкой их дома (Гулярная, д. 25, кв. 46) (ныне ул. Лизы Чайкиной. — А. Х.).

Простите, что я, не будучи знакомым с Вами, обращаюсь с этими просьбами к Вам, но меня заставляет это сделать долг и обязанности историка русского искусства.

Уважающий Вас
П. Корнилов»³.

Судя по тому, что художница пережила блокаду и скончалась в 1967 г. в возрасте 75 лет, помощь ей была оказана своевременно.

Весной 1942 г. Петр Евгеньевич после непростых размышлений решается на поступок, доставивший ему много волнений и переживаний. Свидетельством тому служит частое упоминание этого вопроса в Блокадных тетрадях. 25 марта он пишет письмо-заявление в Правление Ленинградского Союза советских художников о приеме его в члены Ленинградского Союза советских художников (далее — ЛССХ).

Напомню: Союз художников был основан в 1932 г., то есть в то же время, когда Корнилов приступил к работе в Русском музее. В заявлении, выдержанном в достаточно категоричной форме, встречаются формулировки, жесткость которых не очень свойственна для

**Художники «Боевого карандаша» в литографской мастерской. 1942 г.
Слева направо: В. А. Кобелев, Н. Е. Муратов, Н. М. Быльев, И. Ф. Холодов, Г. Н. Петров,
И. С. Астапов, В. И. Курдов. В центре — мастер-печатник И. М. Пожилыцов**

эпистолярной и разговорной речи Корнилова, носящей обычно спокойный взвешенный характер. Привожу наиболее острый, на мой взгляд, отрывок:

«...Организационно я не оформлял своего членства в Союзе, ибо находил постановку работы в секции критиков нецелеустремленной, неделовой, с налетом местничества и склоки. Теперь, когда атмосфера в условиях времени освежена, считаю для себя прямой необходимостью встать ближе к Вашему коллективу и организационно оформить свою работу в Союзе и среди художников, где налицо много неотложных и срочных дел и задач»⁴.

Теперь, чтобы как-то разъяснить ситуацию, попробую описать обстановку, царившую с начала войны в доме № 38 по улице Герцена (ныне Большая Морская), где размещался Союз художников. Естественно, обращаюсь к воспоминаниям участников и очевидцев тех трагических дней. Одним из них был Валентин Иванович Курдов⁵:

«...Живем в Союзе на казарменном положении. В правлении и в бухгалтерии вплотную стоят кровати. Манизер⁶ уехал в Москву в командировку и не вернулся. Над всеми нами главенствует Володя Серов⁷, он стал председателем Союза.

Г. С. Верейский.
Портрет В. И. Курдова.
1942 г.

Кто знает выставочные залы Санкт-Петербургского Союза художников, ясно представляет себе второй этаж — хоры, где в первые месяцы войны был сконцентрирован весь творческий процесс создания плакатов, кроме печати. Они находятся под крышей — стеклянным потолком, который в жаркое лето 1941 г. прогревался, создавая тяжелую, душную атмосферу. Художники, работавшие в одних майках, вынуждены были спуститься вниз. Потом наступила зима. Помещения Союза не отапливались. Карандашисты из просторного, светлого выставочного зала перебрались в тесную литографскую мастерскую, где была печка. Выпуск плакатов продолжался. Они были нужны фронту и жителям города.

Курдов вспоминает: «Не случайно, к нам в опустевший Союз художников на боевой огонек “Боевого карандаша” потянулись многие наши товарищи. В биллиардной на диване постоянно сидят или лежат обессиленные голодом товарищи. Мертвые остаются с нами вместе много дней, не мешая. В комнате холодно и трубы замерзают.

Когда в городе не стало ни света, ни воды, я и Коля Муратов⁹ перебрались жить к Васе Власову¹⁰ на Васильевский остров. У него еще оставались дрова, было тепло

Работаем вместе на хорах большого выставочного зала, помогая друг другу. Можно сказать, мы рисуем листы всем коллективом. Оказывается, совсем не так уж важен авторский престиж: важно, чтобы плакат вовремя увидели ленинградцы»⁸.

Коллектив, о котором пишет Валентин Иванович, — это группа художников, входящих в объединение «Боевой карандаш». Сатирические, агитационные листы с такой маркой впервые появились в конце 1939 г., во время войны с белофиннами. Их графический и поэтический язык был очень доступен, и они быстро приобрели подлинную популярность.

На второй день войны основные художники-карандашисты были уже в Союзе. Вместе они подготовили и нарисовали первый номер плаката: «Фашизм — враг человечества! Смерть фашизму!» Тираж был напечатан вручную, в литографской мастерской, находившейся в этом же здании.

и Нева близко. Топили печку, ставили самовар, все вместе пили чай с маленькими жареными кусочками хлеба, спорили об искусстве. К нам часто заходил Георгий Семенович Верейский. Так мы отогревали душу. Несколько раз в день, затаив дыхание, слушали сводки с фронта.

В Союзе давали дрожжевой суп, прозрачный, как слеза, и фиолетовые кишки. За ними ходили по очереди. Коля Муратов ослабел совсем, и я иногда возил его на саночках через Неву в Союз.

Муратино (так мы называли товарища) не теряет юмора и погоняет меня, как извозчик свою клячу»¹¹.

В первые месяцы войны перед ленинградскими художниками была поставлена задача создания произведений четкой агитационной направленности — плакатов, лозунгов, листовок. Причем занимались этим не только графики, но и живописцы, и скульпторы — В. А. Серов, И. А. Серебряный¹², В. Б. Пинчук¹³, А. А. Казанцев¹⁴ и другие. Станковые формы искусства были отодвинуты в сторону.

Несмотря на наступившие жуткие морозы и голод, которые, казалось, должны были подавить стремление к творчеству, в конце ноября – начале декабря 1941 г. правление Союза принимает решение о возобновлении выставочной деятельности. Все организационные проблемы были возложены на Анну Марковну Земцову¹⁵.

С огромным трудом, и только после обращения В. А. Серова, ей удалось собрать несколько десятков работ эскизного характера, но их еще надо было довести до экспозиционного

Пригласительный билет на выставку Н. Е. Муратова, 1944 г.

состояния. Залы не отапливались, не хватало рам, помощников не было. И все-таки 2 января 1942 г. открытие выставки состоялось.

А. М. Земцова вспоминает: «Несмотря на царивший в помещении холод, оно (открытие. — А. Х.) было торжественным. Зал прибрали, чисто вымели, на полу даже лежали дорожки. К работам сделали этикетаж.

Собралось около пятидесяти художников. В этот день мороз был очень сильным, и люди пришли, укутанные во что пришлось — кто в платке, кто с обернутой шарфом головой, кто в женской теплой кофте. У большинства вид был плохой — заросшие, похудевшие, невымытые. Выступил председатель Союза В. А. Серов. Он говорил о том, что мы открываем выставку в необычной обстановке блокированного города, что перед художниками города-фронта стоит огромная историческая задача — запечатлеть героически обороняющийся город, прославить защитников Ленинграда и воинов Ленинградского фронта»¹⁶.

Сначала выставку решено было сделать закрытой, но в феврале ее все же открыли для ленинградцев. Результат оказался невероятным — экспозицию посещало по 15–18 человек в день, хотя развешено было только 70 работ.

Это событие оказалось действенным стимулом: у художников пробудилось желание работать, и в марте выставка была дополнена новыми произведениями, а 12 июня 1942 г. состоялось открытие большой традиционной весенней экспозиции, посвященной Великой Отечественной войне.

П. Е. Корнилов, хотя и редко, но заходил в Союз, и видел как январскую, так и обновленную мартовскую экспозицию. Будучи хорошо знакомым почти со всеми авторами и зная их творческий потенциал, он отмечал «сырость» и торопливость в исполнении некоторых композиций, но зная также, в каких условиях они создавались, и в каком состоянии находились художники, ученый понимал подлинную историческую значимость этих далеко не репрезентативных холстов, акварелей и рисунков, и их ценность для будущих поколений.

Разглядев в первых двух выставках великое начинание, Корнилов решил быть ближе к творцам, к художникам, хотя формально ему предстояло стать членом секции искусствоведения, с членами которой, как видно из текста заявления, отношения у него не складывались.

Друзей в среде художников у Корнилова всегда было значительно больше, нежели в среде художественных критиков. Он был готов бескорыстно делиться своим накопленным опытом по организации экспозиций самого разного уровня, но делать ему это было бы легче, оформив свое членство в Союзе.

В июне 1942 г. Петр Евгеньевич и его жена Елена Григорьевна начали позировать А. П. Остроумовой-Лебедевой. Это было действие, предлог для общения, отвлечение от повседневности. Анна Петровна давно не писала маслом, но выбрала холст достаточно большого размера, и работа не заладилась. Она записала в дневнике: «13 июня 1942 года. ...

**А. П. Остроумова-Лебедева. Портрет Е. Г. и П. Е. Корниловых. 1942 г. Холст, масло.
Вологодская областная картинная галерея**

Вчера начала семейный портрет Корниловых. Удивляюсь их доверчивости ко мне, как к художнику. Чувствую себя сейчас такой бездарной, такой неумелой перед натурой... Кажусь себе обманщицей. Они будут терять со мной время, уставать позируя, а у меня, я уже вижу, ничего хорошего не выйдет. Прямо стыд и провал!»¹⁷

Сейчас этот портрет находится в собрании Вологодской областной картинной галереи.

В предыдущей статье я цитировал слова В. В. Алексеевой о том, что работа по описанию творческого наследия П. А. Шиллинговского в его мастерской растянулась почти на два месяца. Это значило, что, начавшись в 20-х числах апреля, она в основном была завершена к концу июня – началу июля. А 21 августа там же состоялось первое научное заседание, посвященное памяти художника. Снова цитирую А. П. Остроумову-Лебедеву: «Ездила на трамвае на Васильевский остров на заседание в память умершего 5 апреля талантливого художника Павла Александровича Шиллинговского. Собралось много народу (крепкий народ — ленинградцы!). Конечно, организатором этого заседания был наш энтузиаст Петр

Евгеньевич, который и выступил с докладом о жизни и творческом пути художника. Потом говорил Доброклонский о графическом наследии художника. Было много тепла выражено по адресу умершего художника. На стенах висели его великолепные офорты и многие другие произведения.

Налетов в этот день, к счастью, не было. Многих из знакомых художников и искусствоведов я не узнавала, так они от голодовки изменились, так же, как я сама»¹⁸.

К этому заседанию был выпущен очень элегантный пригласительный билет с монограммой самого автора на лицевой стороне и гравюрами, напечатанными с авторских досок. Сохранился эскиз приглашения, выполненный акварелью Д. И. Митрохиным. В нем сфокусировались фантазмагорические видения из какой-то другой жизни, где светит солнце, цветут цветы и колосится рожь. Это потрясающий документ — графический поток сознания художника, пережившего страшную блокадную зиму 1941–1942 гг.

За день до упомянутого заседания, 20 августа 1942 г., был издан приказ по Ленинградскому отделению Всероссийской Академии художеств, где, в частности, говорится: «Ввиду больших заслуг проф. В. А. Х. Павла Александровича Шиллинговского в создании русской оригинальной гравюры как своим личным творчеством, так и плодотворной педагогической деятельностью, присвоить печатно-графической мастерской В. А. Х., восстановленной им в 1934 году, его имя. Директор л/о (Ленинградского отделения — А. Х.) В. А. Х. В. Твелькмейер»¹⁹.

К этому времени Корнилов уже полностью освоился с работой в издательстве «Искусство». Она была очень напряженной, хлопотливой, требовала постоянного внимания, так как находилась под постоянным контролем Горкома и Обкома партии. Он вел работу с художниками от обсуждения первых идей и эскизов до создания окончательного варианта для печати. Далее курировал производство до выпуска готовой продукции.

По данным, приведенным в уникальном Энциклопедическом каталоге «Сражающийся Ленинград. Почтовая открытка», составленном А. Д. Гдалиным и М. Р. Ивановой, только в 1942 г. (а работал он с конца апреля) Корнилов, как выпускающий редактор, подписал к печати 62 открытки, а в 1943 г. — 80. В его ведении также находилось издание плакатов, листовок, альбомов и другой полиграфической продукции.

В одном из своих отчетов роль открытки ученый сформулировал так: «Открытое письмо следует отнести к одному из видов наглядной агитации, самой широкой и доступной»²⁰. Видимо, это был очень официальный документ, так как в нем отсутствует термин «художественный», а это понятие всегда было определяющим во всех сферах деятельности Петра Евгеньевича. Он выстраивал свои контакты с авторами-художниками, исходя из специфики творческой индивидуальности каждого из них. Таким образом, складывались отдельные серии-подборки, отличавшиеся друг от друга жанром, тематикой и техникой исполнения оригинала.

Военный летчик Н. И. Пильщиков проявил себя в создании портретов своих героев-однопольчан. Разносторонний Н. А. Павлов выбрал жанр уличных сцен в обстановке осажденного города. Он создавал их в технике перового рисунка и офорта. Подвиги моряков Балтики отражали в своих ксилографиях Е. Я. Хигер и С. Б. Юдовин. Архитектор В. А. Каменский в серии суровых, лаконичных по цвету акварелей передал напряженное состояние города-фронта, города-памятника. Верный своему пристрастию, блестящий рисовальщик и карикатурист В. А. Гальба в цикле «Цепные фашистские собаки» изобразил все руководство гитлеровского рейха и их приспешников, снабдив рисунки собственными, не менее злыми стихотворными подписями. За свои многочисленные карикатуры, публикуемые в газетах, за сатирические плакаты Гальба был зачислен в список «личных врагов фюрера» (Владимир Александрович этим очень гордился) и заочно приговорен к смертной казни.

А. Ф. Пахомов рисовал детей. На лицевой стороне открытки, где мальчик в буденовке с игрушечным ружьем за спиной пишет письмо на фронт (открытка называлась: «Папа, убей врага!»), художник писал: «Дорогому акушеру Петру Евгеньевичу, принимавшего сего бойца. А. Пахомов. 28/IX 42»²¹.

В эти тяжелейшие блокадные месяцы Корнилов нашел применение и классическим произведениям своих друзей — А. П. Остроумовой-Лебедевой и П. А. Шиллинговского. Последнего уже не было в живых, когда его композиция «Письмо домой» из серии литографий «Крейсер “Червона Украина”», выполненных еще до войны, в 1938 г., была выпущена в виде открытого письма.

Анна Петровна Остроумова-Лебедева наотрез отказалась изображать любимый ею Петербург-Ленинград израненным и полуразрушенным. Тогда издательство выпустило серию ее ксилографий с видами города прошлых лет. Его строгие памятники и набережные на ее гравюрах напоминали бойцам на фронте и жителям Ленинграда, какой город они отстаивают. Так эстетика «Мира искусства» оказалась востребованной в период страшной войны.

Теми же критериями руководствовался Петр Евгеньевич, приступая к работе по выпуску альбома фотографий «Ленинград — город русской славы». Великолепно отпечатанные

Н. И. Пильщиков.
Отважный ночной летчик майор
И. Ф. Кованев. Почтовая карточка.
Редактор П. Е. Корнилов. 1942 г.

**А. Ф. Пахомов. «Папа, убей врага!» Почтовая карточка.
Редактор П. Е. Корнилов. 1942 г.**

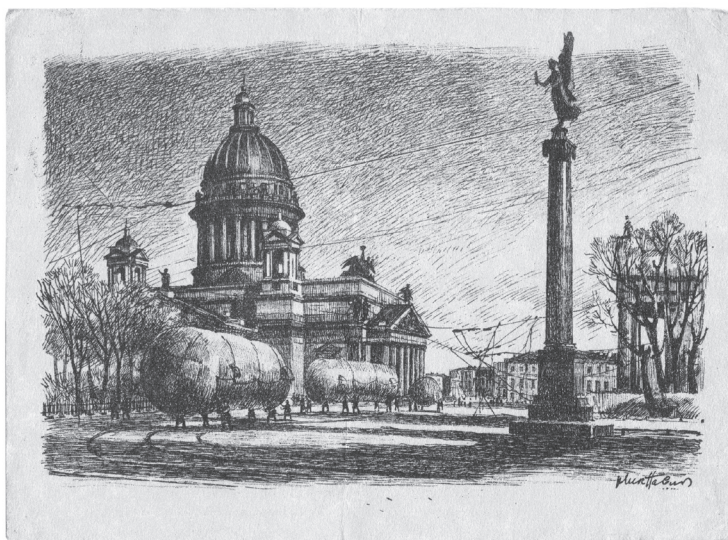
в типографии им. Ивана Федорова в 1942 г. двенадцать хрестоматийных видов Ленинграда, на которых запечатлены памятники В. И. Ленину, С. М. Кирову, Петру I (перечисляю в порядке нумерации сюжетов), решетка Летнего сада, Адмиралтейство, Эрмитаж и другие достопримечательности, оставляют ощущение умиротворения. Будто нет и не было воздушных тревог, разрывов бомб и снарядов, нет очередей за хлебом и за водой, словно не лежали на улицах и во дворах вмёрзшие в снег трупы и не везли на саночках гробы с телами родных и близких.

«Наш город велик и прекрасен,
Отвагой в века прогремел,
По-Ленински — вечен и ясен,
По-Сталински — славен и смел».

Это четверостишие Александра Прокофьева²² из его пафосного предисловия. Не менее пафосными короткими стихами сопровождалась каждая фотография. В выходных дан-

**Аэростаты воздушного заграждения у Русского музея. Почтовая карточка.
Редактор П. Е. Корнилов. 1943 г.**

Н. А. Павлов. Ленинград в дни Отечественной войны. Почтовая карточка. 1942 г.

ных указан тираж всего комплекта — 1000 экземпляров, а на каждом сюжете — 3000. Это значило, что распространение альбома планировалось как цельным изданием, так и отдельными листами. На одном из листов стоит автограф А. Прокофьева:

«Тов. П. Е. Корнилову

Все мы встали для отпора,
В путь пошли опасный!
Ленинград — бессмертный город,
Смерть над ним не властна!

А. Прокофьев. 12/VIII 1942 г. Ленинград»²³.

Но есть одна странность — ни на обложке, ни на титульном листе, ни в самом конце не представлены фамилии автора фотографий и автора оформления альбома. Только позже из других публикаций мне стало известно, что первый — это Рахмилович Абрам Семенович (1896–1942), а второй — бесспорный классик ленинградской книжной графики Валериан Дмитриевич Двораковский (1904–1979).

В тот же период издательство «Искусство» приступает к осуществлению еще одного масштабного проекта — альбома из 25 литографированных портретов героев-летчиков работы Николая Ивановича Пильщикова: «Сталинские Соколы на защите Ленинграда».

Н. И. Пильщиков
Автопортрет

Выпускающим редактором был Корнилов. Помпезность этого издания не соответствует жуткой повседневности блокадного города и общему положению на фронтах. Советские войска продолжали отступать. В начале июля 1942 г. фашисты заняли Севастополь, 23 августа немецкий танковый корпус прорвался к Волге севернее Сталинграда, на юге шла тяжелейшая битва за Кавказ, но 31 августа пала Анапа, затем Таманский полуостров. В сражениях бойцы Красной Армии проявляли личное мужество и героизм, стараясь нанести врагу как можно больший урон.

Именно на личных подвигах летчиков в небе на подступах к Ленинграду и был сделан акцент при составлении альбома. Издание курировал опытный политработник — бригадный комиссар Военно-воздушных сил Ленинградского фронта А. А. Иванов. Он же написал предисловие, в котором, кстати, ни разу не упоминалась фамилия художника — автора всех портретов. Зато цитаты из выступлений

И. В. Сталина и А. А. Жданова приводятся неоднократно. Вот одна из них: «Мы непрерывно ощущали и ощущаем любовную заботу о Ленинграде нашего вождя и учителя товарища Сталина. Мы знаем и чувствуем, что Сталин с нами. Каждый ленинградец, каждый боец нашего фронта в этом видит залог победы, в этом черпает новые и новые силы для борьбы с ненавистными гитлеровскими захватчиками. А. А. Жданов»²⁴.

Н. И. Пильщиков не получил специального художественного образования. Он закончил школу пилотов, служил в гражданской авиации. Тяга к рисованию, которым он увлекался с детства, привела его на подготовительные курсы в Академию искусств, но началась война с Финляндией, а затем Великая Отечественная. Находясь на службе в Военно-воздушных частях, он все свободное время отдавал рисованию портретов однополчан.

Эти работы очень искренни и правдивы, безупречны по знанию обстановки и специфики деталей. Но профессионализма художника и работников издательства было явно недостаточно для выпуска альбома такой значимости. Начинается очень взыскательный отбор кандидатур портретируемых, краткое описание их отличий в боевых действиях и создание условий для военнотружущего художника, лейтенанта Н. И. Пильщикова, по контролю и корректуре при тиражировании его произведений. Вот одно из писем, как звено в цепи этой работы:

«ВСЕСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ

Государственное издательство «ИСКУССТВО» Ленинградское отделение

Ленинград, Чебоксарский пер., 2/4

№ 180 18 сентября 1942 г.

Военному Комиссару ВВС ЛФ

Бригадному Комиссару

Тов. Иванову А. А.

Н. И. Пильщиков
Портрет П. Е. Корнилова. 1943 г.

Издательство «Искусство», препровождая при сем имена летчиков, которые включаются в издаваемый Альбом, просит утвердить их редакцию.

Если нужно, по Вашему мнению, дополните необходимыми сведениями об их подвигах. Последняя работа может быть срочно выполнена кем-либо из Ваших помощников, за особое вознаграждение издательства.

Директор изд-ва: М. Анисимов
Ст. редактор: П. Корнилов»²⁵.

Тираж альбома был уникален — всего тысяча экземпляров. Формат достаточно большой — 46 × 34 см. Каждый портрет воспроизводился в витиеватой орнаментальной рамке, которая в части тиража печаталась золотом. Шрифтовое и декоративное оформление издания было выполнено недавним выпускником графической мастерской Академии художеств В. В. Морозовым, также находившимся в действующей армии.

Рассказывая столь подробно об альбоме Пильщикова, я не могу обойти вниманием другую серию литографированных портретов летчиков под общим названием «Герои воздушных боев за Ленинград», созданных уже получившим известность А. Н. Яр-Кравченко²⁶ — учеником Бродского. Издание было осуществлено осенью 1942 г., но в Свердловске, на базе газеты «Уральский рабочий». Ответственным редактором был также Бригадный комиссар А. А. Иванов, автором оформления — В. В. Морозов.

К выходу в свет этого альбома Петр Евгеньевич не имел прямого отношения. Более того, Яр-Кравченко был не очень доволен статьей Корнилова, которую тот написал по его просьбе. Ученый вспоминает: «Я ее написал и отдал ему. Статья была благожелательной, но не “одой”, чего, видимо, ожидал А. Н. Яр-Кравченко. Она, естественно, не увидела свет. Правда, это не помешало мне получить позднее его альбом литографий с добрым автографом»²⁷. Надписей — две. Они заслуживают быть воспроизведенными полностью:

«Дорогому Петру Евгеньевичу Корнилову!

В знак дружбы и на память о суровых днях осажденного Ленинграда, в котором вместе мы были воинами Великой Отечественной войны. На память и дружбу!

Осажденный Ленинград
25 октября 1942 г.

А. Яр-Кравченко
В. Морозов»

«Петру Евгеньевичу!

В память дней суровой борьбы с озверелым немецким фашизмом, наполненных глубокой верой в победу нашей Родины.

Бригадный комиссар

25 октября 1942 г.

Г. Ленинград

А. Иванов
Л. Перепелов»²⁸.

Так боевые офицеры признали его своим однополчанином.

Петр Евгеньевич проработал в издательстве очень короткий период, но несомненно, что его приход туда вывел эту структуру на качественно новый уровень деятельности. Вот отрывок из характеристики, полученной им 14 марта 1946 г.: «П. Е. Корнилов, занимая должность Старшего редактора издательства “Искусство” с 23 апреля 1942 г. по 15 июля 1943 г. в тяжелый период блокады Ленинграда, отлично справлялся с возложенными на него задачами и обеспечил выпуск многих изданий по изобразительному искусству и, в первую очередь, изданий по Наглядной агитации (политические плакаты, портреты, открытки, альбомы). Как руководитель редакционным отделом, отличался глубоким и всесторонним знанием искусствоведческих наук, критики, истории и теории. Директор л/о издат-ва “Искусство” М. Анисимов»²⁹.

А вот цифры из отчета самого Корнилова, написанного уже после войны: «За время Великой Отечественной войны Лен. Отд. Изд-ва “Искусство” успело выпустить в свет:

Плакатов — 116

Лозунгов — 37

Лубков — 15

Портретов — 31

Эстампов — 6

Открытых писем — 187

Брошюр — 19

Итого 411 названий с общим тиражом 4 893 500 единиц»³⁰.

Невероятно!

Теперь снова возвращаюсь назад. 15 апреля 1942 г. Корнилов был избран в состав художественного совета вновь организованного Общества камерной музыки. В его обязанности входило устройство выставок ленинградских художников в театральном фойе перед концертом. Первый концерт был назначен на 26 апреля и посвящался творчеству П. И. Чайковского, а первая выставка должна была состоять из иллюстраций К. И. Рудакова к пушкинскому «Евгению Онегину». Открытие концертов состоялось в помещении Кукольного театра под руководством Е. Деммени, а 5 мая на заседании художественного совета прошли его обсуждения. Были высказаны незначительные замечания и по организации выставки. Петр Евгеньевич ознакомил коллег с планом последующих экспозиций. Они должны меняться каждые две недели (замечу по своему опыту выставочной работы — ритм очень сжатый и напряженный. А в условиях блокады — почти нереальный). Вот их тематика.

Май 1942 г.:

- 1) Выставка Ленинградских художников;
- 2) Ленинград в изобразительном искусстве.

Июнь 1942 г.:

- 3) А. С. Пушкин в изобразительном искусстве;
- 4) Фронтные зарисовки Н. А. Павлова.

Июль 1942:

- 5) Военная продукция издательства «Искусство»;
- 6) Выставка произведений А. П. Остроумовой-Лебедевой³¹.

Естественно, план был впоследствии откорректирован и по срокам, и по содержанию, но в основном он был выполнен.

Удивительно, откуда черпал силы и энергию этот человек. Создание любой экспозиции включает в себя большое количество мелочей, не предусмотрев которые, можно сорвать любой серьезный проект, а в период военного времени любое решение вышестоящих инстанций, в том числе и в области культуры, приравнивалось к приказу и подлежало точному скорейшему исполнению. Нельзя забывать, что телефонной связью было обеспечено только руководство города, командование Ленинградским фронтом, структуры НКВД, оборонных предприятий и еще немногие организации. Поэтому распоряжения непосредственного профильного руководства часто доводились до сведения исполнителей не только в виде официальных писем, но и торопливых записок на оказавшихся под рукой листках бумаги.

В архиве Корнилова сохранилось несколько документов, написанных А. А. Бартошевичем, занимавшим в те годы пост заместителя начальника Управления культуры Ленгорисполкома. Привожу один из них:

«Многоуважаемый Петр Евгеньевич!

Уезжаю сегодня по шефским делам. Вернусь завтра. К Вам просьбы:

Учесть, что сегодня поступают работы из ЛССХ. Необходимо организовать их приемку и хранение (договоритесь с Ниве).

Подготовить оборудование (рамки, пьедесталы и пр.) и договориться с Ниве, как и когда она их будет перевозить из Русского музея к себе.

Подготовить мелкий инвентарь (гвозди, молотки, проволоку и т. п.). Для развески 2-го утром придет группа студентов худож. училища, но надо, чтобы все было готово.

Распорядиться убрать макеты, т. к. подмакетники очевидно используют под скульптуру. Держать связь с Прошкиным³² (267-97).

Литография Академии запечатана до 1/V. Либо надо печатать 1 и 2 утром в Академии, либо договориться с “Искусством”, где печатается афиша. Но выпустить необходимо, хотя бы без программы концерта, даже лучше, если лицевая будет посвящена исключительно выставке.

Завтра включусь во все эти дела.

Жму руку. А. Бартошевич»³³.

Из этого письма следует, что ученый нес ответственность не только за художественный уровень и содержание экспозиции, но и за материально-техническое обеспечение ее организации. Известны примеры, когда в то суровое время руководитель вынужден был исполнять не только свои прямые обязанности. Многие сотрудники были на фронте. В вышедших данных упоминавшихся мною двух альбомов, выпущенных в 1942 г. издательством «Искусство», в качестве технического редактора указан директор Анисимов. Срыв графика по выпуску продукции идеологического характера мог быть приравнен к саботажу.

По долгу службы Корнилову приходилось много общаться с А. А. Бартошевичем по осуществлению музейно-выставочных, издательских и лекционных проектов, хотя их взаимоотношения были весьма прохладными. Петр Евгеньевич с гораздо большей теплотой вспоминал их общего руководителя — начальника Управления Бориса Ивановича Загурского. В статье «Памяти друга», относящейся к марту 1968 г., он пишет: «Как-то в конце 1942 года мы с ним спускались по лестнице в Союзе художников, и он кому-то бросил реплику: “А вот

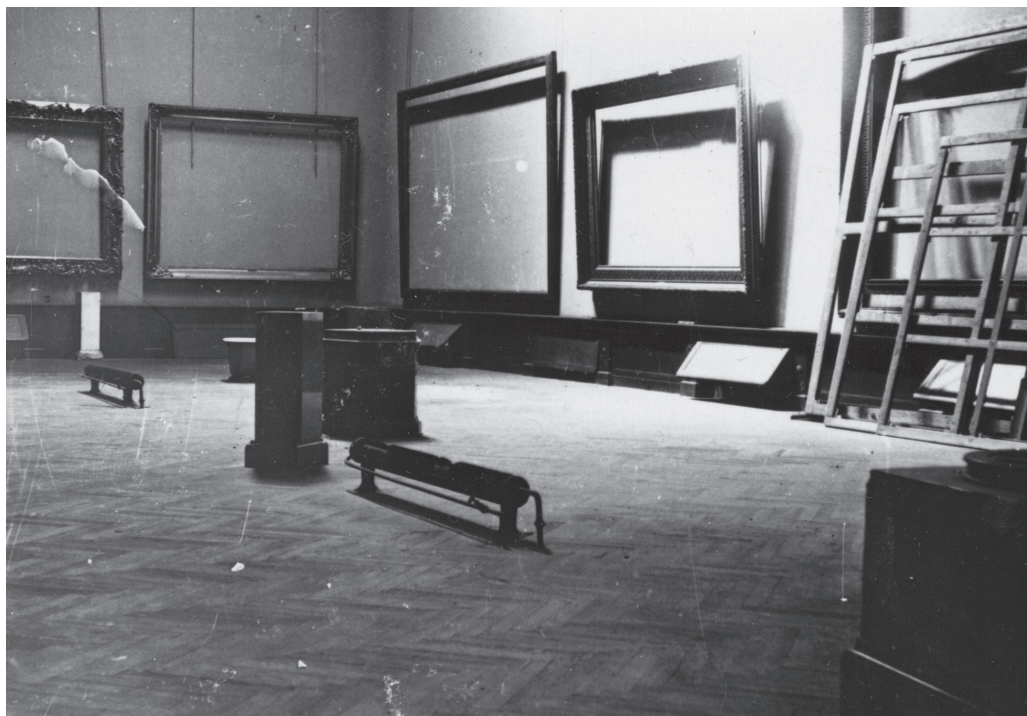
Петр Евгеньевич не хочет мне помочь в работе Управления”. Последовала моя ответная реплика: “Нет! Я хочу, но только раньше мне хотелось бы навестить маму и сына, находящихся в эвакуации в Казани”.

Этот краткий разговор, оказывается, Б. И. Загурским не был забыт. Вскоре после прорыва блокады Ленинграда, в январе 1943 года, он вызвал меня и передал телеграмму из Комитета по делам искусств при СНК СССР за подписью М. Б. Храпченко³⁴, в которой мне и моей жене представлялась месячная командировка на Большую Землю³⁵.

Прорыв блокады. Я не решаюсь говорить об этом своими словами. Любое свидетельство очевидца и участника будет более значимым. В. Н. Прошкин вспоминает: «18 января 1943 года было прорвано кольцо блокады. Я помню, какое ликование царило в Союзе, когда мы узнали об этом событии. Все собрались в мастерской у Серова, необыкновенное возбуждение охватило каждого из нас. Мы дали друг другу обещание ежегодно собираться в этот

Просушка экспонатов на галерее портика главного фасада Михайловского дворца. 1944 г.

Залы Русского музея во время войны

день всем вместе, где бы мы ни находились. В честь прорыва Серов, Серебряный и Казанцев приняли на себя обязательство: к выставке 25-летия Красной Армии буквально за месяц, оставшийся до этой знаменательной даты, общими усилиями создать картину на тему “Встреча двух фронтов” (Волховского и Ленинградского)»³⁶. От себя добавлю: художники сдержали слово. Картина была написана в срок, хотя ее площадь составляла более двенадцати квадратных метров.

Корнилов начал работать в Управлении по делам искусств Ленгорисполкома с декабря 1942 г. Его ответная реплика Б. И. Загурскому была скорее просьбой, а не условием (да и какие могли быть условия в военное время). Поэтому, принимая новое назначение, он отлично понимал, какая ответственность и дополнительная нагрузка ложатся на его плечи. Напомним: на нем держалась работа Отдела графики Русского музея, выпуск печатной продукции в издательстве «Искусство», выставки в Обществе камерной музыки, прием на музейное хранение произведений погибших и выехавших в эвакуацию художников и, кроме того, собственная научная работа.

Назначение на такую должность не могло состояться только по инициативе начальника Управления. Думаю, что в руководстве города запомнили фамилию неугомонного автора писем А. А. Жданову и П. С. Попкову, настойчиво хлопотавшего за других. Так сложилось, что к перечисленным обязанностям добавилась еще одна: Петр Евгеньевич возглавил Отдел изобразительного искусства в Управлении по делам искусств. Именно эта должность и представлена в пропуске № 7988, выданном Корнилову 28 января 1943 г. в Управлении НКВД по Ленинградской области «на въезд и временное проживание в гор. Москве и гор. Казани»³⁷. Документ заверен несколькими гербовыми печатями, неоднократно проштампован и прокомпостирован, так как передвижение по территории страны, а тем более выезд из осажденного Ленинграда, были жестко регламентированы.

В своих воспоминаниях Н. И. Дормидонтов³⁸ пишет, что они с А. М. Земцовой, сопровождая выставку ленинградских художников, добирались до Москвы по железной дороге пять суток. Грузовым или военно-транспортным самолетом было значительно быстрее, но на это требовалось специальное разрешение.

Я не обнаружил свидетельств, как добрались в столицу Петр Евгеньевич и Елена Григорьевна, зато «Ордер за номером 99/л в Центральное бюро распределения брони на получение 2-х мягких билетов для проезда до ст. Казань» сохранился. Наконец вся семья была снова вместе! Родители не видели сына год и семь месяцев. Он заканчивал школу, собирался поступать в техникум. Ему шел уже семнадцатый год. Конечно же, и мама Петра Евгеньевича — Вера Петровна, и его сестра Надежда Евгеньевна в первую очередь постарались, чем могли, подкормить дорогих ленинградцев, дать возможность отдохнуть, прийти в себя. Им представилась возможность в спокойной обстановке общаться с сыном Игорем, наблюдать, почувствовать и понять его взросление, вместе обсуждать будущее (для этого были все основания: именно в начале февраля 1943 г., когда Корниловы уже находились в Казани, был завершён разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом. Наступал коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. От театра военных действий Татарскую АССР отделяли только две области — Куйбышевская (ныне Самарская) и Саратовская. Сталинградская была следующей).

Ученый с волнением посетил Казанский Центральный музей, в художественном отделе которого 1 марта 1921 г. он начал свою профессиональную деятельность. Радостными были встречи, но особенной стала встреча с учителем, старшим другом и коллегой — Петром Максимилиановичем Дульским³⁹. Им было что рассказать друг другу.

Для Центрального Краеведческого музея Казани (в тот период он носил такое название) Корнилов был настоящим мэтром музейного дела всесоюзного уровня, членом экспертных комиссий, участником международных научных конференций, членом ученых советов и орг. комитетов и, конечно, он был привлечен в качестве консультанта к работе музея. Не в характере Петра Евгеньевича было сидеть сложа руки. Родной альма-матер он старался помогать всегда. Документы свидетельствуют:

Форма № 1052

С. С. С. Р.
**Народный Комиссариат
 Внутренних Дел**
 УПРАВЛЕНИЕ Н. К. В. Д.
 по
 ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ПРОПУСК № 1988
 (Действителен при предъявлении паспорта)

Разрешается гр. Корнилову
Петру Евгеньевичу, 1896,
(фамилия, имя, отчество, год рождения)
 работающему в Управлении по делам Искусств
 в качестве Зав. Отделом Изобразит. Искусств
 въезд и временное проживание в гор. Москве
 и гор. Казани

Сроком по 1 марта 1943.
(дата и месяц пишутся полностью без сокращений)

Цель поездки тепер. вызов Коши тещи
в Казань Искусств при СНК РСФСР.

№ паспорта УИИ - ПС № 677025 выд. 6 от 9. ИИИ
(указать кем и когда выдан)

Место для наложения штампа по форме № 2.

Казань УР ИМ НКВД СССР
 1 марта 1943
 С. П. Корнилов

Управление НКВД СССР
 Ленинградский район
 1 апреля 1943
 М. П. Корнилов

Подпись владельца пропуска М. П. Корнилов

Печать

Зарегистрирован

Начальник Майор милиции (Аверкиев)
 исполняющий

Подпись: М. П. Корнилов

1943 г. апрель

ПАСПОРТ

Пропуск, выданный П. Е. Корнилову на въезд и временное проживание в Москве и в Казани

«Удостоверение

Предъявителю — тов. КОРНИЛОВУ Петру Евгеньевичу Дирекция Центрального Краеведческого Музея ТАССР поручает проверку состояния памятников старины, архитектуры и революции в г. Казани.

Просьба к руководителям учреждений, домоуправлений, арендаторам оказывать полное содействие тов. Корнилову в выполнении возложенного на него задания.

Директор Центрального
Краеведческого музея ТАССР
Дьяконов 23 февраля 1943 г.»⁴⁰

Но работы было так много, что для завершения хотя бы ее части потребовались дополнительные согласования.

«Народный Комиссариат Связи СССР
Правительственная
Правит. Казань Управление
Искусств Совнаркома
Назарову
Из Москвы 2303 14 28 0220

Командировку Корнилову разрешаю
Продлить пятнадцатого марта

Росискусство Беспалов»⁴¹.

Телеграмма, хотя и правительственная, — только основание для продления командировки, а для отчета в Ленинграде были нужны дополнительные документы.

«СПРАВКА

Дана тов. КОРНИЛОВУ П. Е. в том, что он после выполнения своих поручений по командировке был задержан Центральным Краеведческим Музеем ТАССР, по согласованию с на-

чальником Управления по делам искусств для выполнения специальных заданий по Музею и выставке “ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА”, сроком до 12 марта с. г.

Директор Музея Дьяконов
11 марта 1943 г.»⁴²

К этому необходимо добавить, что 1 мая 1943 г. в Казанском Авиационном институте открылась выставка работ художника-пилота Н. И. Пильщикова «Сталинские Соколы на защите Ленинграда». К этому событию был издан каталог, являющийся сейчас абсолютным раритетом. Его тираж — всего 210 экземпляров, а размер 15 × 11 см. Авторами вступительных текстов стали П. М. Дульский, генерал-майор А. А. Иванов и П. Е. Корнилов. У меня нет никаких сомнений, что комплект литографированных портретов боевых летчиков привез с собой Петр Евгеньевич. Наступила весна. Надо было возвращаться в Ленинград и приступать к исполнению своих многочисленных обязанностей, а также вскапывать грядки в садике перед Русским музеем. В Управлении по линии Отдела изобразительных искусств в ведении П. Е. Корнилова находились следующие структуры: Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей, Ленинградское отделение Союза советских художников, Ленинградское отделение Союза советских архитекторов, объединение «Ленгороформление», издательство «Искусство», Ленинградское отделение Всероссийской Академии художеств и Государственный Театральный музей. Возможно, я что-то упустил, но основные перечислил. Причем Эрмитаж и Русский музей были организациями союзного подчинения, но в условиях блокированного города решение многих вопросов, в том числе в сфере культуры, было возложено на ленинградское руководство. А начальник Управления по делам искусств Ленинграда Б. И. Загурский представлял в городе Комитет по делам искусств Совета Народных Комиссаров СССР.

Ответственность Корнилова распространялась на организационные мероприятия в сфере изобразительного искусства и музейного дела, которое он досконально знал и ставил перед коллегами задачи, исполнителем которых также являлся, когда покидал свой кабинет в Управлении, пересекал площадь Искусств и оказывался в своем родном графическом отделе.

С первых дней пребывания на посту руководителя он потребовал привести в порядок отчетную документацию по всем вверенным ему структурам. В Русском музее эти бумаги готовила Валентина Васильевна Алексеева, исполнявшая обязанности ученого секретаря в тот период. Именно она помогала Петру Евгеньевичу весной 1942 г. описывать и принимать на хранение наследие П. А. Шиллинговского. Выдержки из составленного ею плана научной работы Государственного Русского музея на 1943 г. имеет смысл привести дословно.

Сухие формулировки документа дают полное представление о медленном, мучительном процессе возрождения жизни в стенах Михайловского дворца.

На 1 января 1943 г. в научный состав музея входили всего 7 человек. Вся научно-хранительская, научно-исследовательская и политико-просветительная работа легла на их плечи. Далее цитирую: «Напрягая в настоящий момент свои силы для непосредственной борьбы с врагом, надо смотреть вперед, твердо веря в победу права и справедливости и заранее обдумать и разработать в своей области меры наиболее безболезненного и эффективного перехода от периода войны, когда Музей был законсервирован, к периоду мира, когда Музей должен быть полностью восстановлен, как сокровищница русской национальной культуры...

Научно-хранительская работа в 1943 году остается главнейшей частью деятельности Музея: она будет состоять в следующем:

Наблюдение за состоянием коллекций Музея с принятием мер защиты их от всяких возможных произойти повреждений; конкретные меры защиты потребуют:

а) Перераспределения коллекций в помещениях Музея в целях максимальной защиты их от последствий артобстрелов и бомбардировок, особенно это касается собрания картин и скульптуры в залах 19, 20, 21, 22 и собрания мебели в залах 40, 39, 38.

б) Постоянное наблюдение за состоянием коллекций и принятие мер против сырости, плесени, запыления, протечек, проникновения дождя и т. п.

в) Посезонные проверки коллекций с пробными вскрытиями ящиков, переборкой картин в штабелях, перекладкой коллекций в шкафах, сундуках и проч.

2. Наблюдение за предметами и коллекциями, принятыми на хранение от учреждений, художников и коллекционеров, принятие мер защиты, посезонный контроль, учет и топографические списки; принятие новых материалов»⁴³.

В разделе научно-исследовательской работы перечислены темы, объем и предполагаемые сроки осуществления печатных трудов и докладов всех научных сотрудников музея, включая директора и заведующих отделами. За Корниловым закреплено:

а) собрание и изучение материала по творчеству П. А. Шиллинговского;

б) подготовка доклада о жизни и научной деятельности Б. П. Денике;

в) основные этапы русского гравировального искусства XVI–XVII вв. (в связи с резкспозицией материалов Отдела графики).

В заключении говорится: «Для содействия научной работе сотрудников возобновляется работа научной библиотеки Музея, для чего необходимо:

1) Найти и извлечь из ящиков алфавитный каталог библиотеки.

2) Убрать картины, приставленные к книжным шкафам библиотеки и затрудняющие доступ к книжным полкам. Срок: I КВАРТАЛ.

3) Восстановление междубиблиотечного абонемена. Срок: II КВАРТАЛ»⁴⁴.

В третьем разделе плана на 1943 г. пункт второй касается исключительно Корнилова:

«III. Политико-просветительная работа

Лекции. Музей в 1943 г. возобновляет чтение лекций в госпиталях по программе, одобренной соответствующими политорганами Красной Армии.

Устройство выставок в музейных зданиях исключено; однако предполагается устройство выставок вне Музея (фойе театров, Филармонии и т. п.). На портативном и дуплетном материале (по преимуществу графическом) намечены темы:

“Ленин в Советской графике” январь

“Красная Армия в искусстве” февраль

“Образ русской женщины в искусстве” март»⁴⁵.

Во всех перечисленных мероприятиях Петр Евгеньевич принимал самое активное участие, несмотря на свою занятость в других учреждениях и организациях.

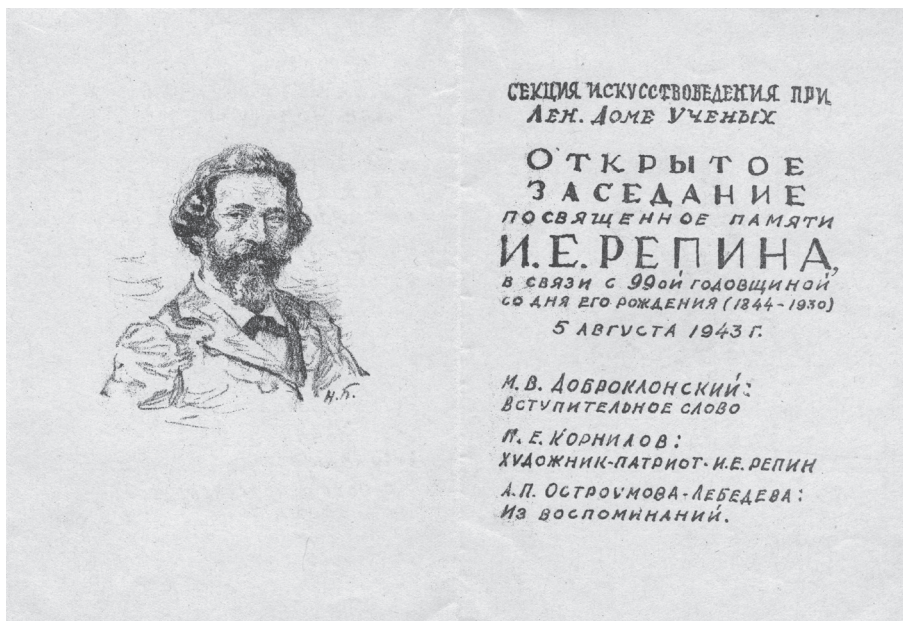
Прежде чем начать разговор еще об одном важнейшем этапе деятельности П. Е. Корнилова и его коллег — работников музеев в осажденном Ленинграде, должен рассказать о возложенной на него со стороны Инспекции по охране памятников обязанности по выявлению и рекомендации на выдачу охранного свидетельства владельцам квартир, имущество которых составляли в том числе произведения искусства, уникальные библиотеки и другие культурные и научные ценности.

Авианалеты, бомбежки и методические артобстрелы города продолжались. Результатом были массовые разрушения домов и квартир, жителей которых необходимо было куда-то заселять. Часть жилищного городского фонда пустовала. Кто-то находился на фронте, кто-то в эвакуации, а некоторые — на казарменном положении на оборонных предприятиях. Термины «уплотнение» и «подселение» давно фигурировали в советской социальной системе. Чтобы не допустить упомянутых действий в отношении квартир, где были прописаны представители научной и творческой интеллигенции, необходимо было специальное решение Исполкома Ленгорсовета. А поскольку Петр Евгеньевич, начиная с 1936 г., являлся членом Ленинградской государственной закупочной комиссии Комитета по делам искусств при СНК СССР, он обладал достаточной информацией, коллегиальными и дружескими контактами, чтобы объективно подготовить рекомендации для такого решения. Вот отрывок из его резюме по имуществу профессора Института этнографии Академии Наук СССР М. А. Сергеева, убывавшего в длительную командировку: «Подобное собрание перестает быть только узко-любительским и перерастает в собрание, которое смело может пополнить государственные хранилища в том или ином из указанных разделов. Государственное попечение и охрана оставленного собрания М. А. Сергеева насущно необходима. Член Ученого Совета Гос. Русского музея П. Корнилов»⁴⁶. Благодаря его содействию, охранные свидетельства

получили А. П. Остроумова-Лебедева, В. В. Воинов, Г. С. Верейский, Л. Я. и О. И. Рыбаковы и другие владельцы уникальных коллекций.

В начале лета 1943 г. произошло событие, еще не получившее, на мой взгляд, достаточного освещения в ленинградской блокадной историографии. Ученые историки, искусствоведы и научные сотрудники Эрмитажа и Русского музея объединились в единую секцию при Ленинградском Доме ученых им. А. М. Горького. Цель была одна: взаимообогащающее профессиональное общение. Город работал для фронта. Научная гуманитарная жизнь почти замерла. Издательства и типографии были заняты выпуском в основном продукции агитационного характера. Эвакуированы художественные институты. Чтение лекций происходило исключительно в госпиталях и воинских частях и носило популярный характер. Необходима была атмосфера для обмена научной информацией в кругу единомышленников, продолжавших свою работу независимо от жуткой реальности бытия.

Секцию возглавил Михаил Васильевич Доброклонский, исполнявший обязанности директора Эрмитажа. Заместителями стали художник Владислав Матвеевич Измайлович (1872–1959) — член Совета Ленинградского Дома ученых, и П. Е. Корнилов, в архиве которого сохранились рукописные протоколы заседаний, проходивших два раза в месяц, с июня

Пригласительный билет на открытое заседание, посвященное памяти И. Е. Репина, 5 августа 1943 г.

1943 по 1945 г. Они написаны разных листках бумаги, иногда карандашом, с многочисленными поправками, но в целом дают уникальное представление о силе духа, широте научных интересов небольшой группы людей, поддерживающих друг друга в стремлении сохранить интеллектуальное достоинство в те страшные годы. При этом нельзя забывать, что каждый из них имел совершенно определенные обязанности по хранению государственных культурных ценностей на своем рабочем месте.

Невероятно, но факт: в тематике докладов почти не затронута тема войны, хотя она была рядом, часто влияла на ритм работы секции. Так, на 5 августа 1943 г. было назначено открытое заседание, посвященное памяти И. Е. Репина в связи с 99-й годовщиной со дня рождения. Корнилов вспоминает: «Как раз в тот час, когда оно должно было начаться, гитлеровцы открыли по городу ураганный огонь. Только по нашему Дзержинскому району было выпущено около трехсот снарядов. В здании Русского музея вылетели последние стекла.

Я был уверен, что никто не рискнет в такой день выйти на улицу, но сам отправился в Дом ученых, так как был основным докладчиком. Однако в назначенное время участники заседания начали собираться, и оно было проведено в Белом зале»⁴⁷. В протоколе зафиксировано: «Присутствовало 30 чел. Не все желающие могли прийти на доклад, т. к. был сильный артиллер. обстрел. Докладчик пришел в пыли и штукатурке, т. к. близь него разорвался снаряд»⁴⁸. Но далеко не всегда явка была такой высокой.

Научные чтения 15 июня 1943 г. открылись докладом профессора Натальи Давыдовны Флиттнер по теме «Войны и раскопки в странах Древнего Востока». Заседания проводились с завидной регулярностью. И даже отсутствие 15 августа 1943 г. докладчика, Н. Д. Флиттнер, не помешало зачитать и обсудить ее статью «Театральные образы в изобразительном искусстве Франции XVIII века». Видимо, организация секции, на собраниях которой можно было общаться, обмениваться мнениями, была необходима им в тот период. Чтобы показать многообразие проблематики, затрагиваемой на этих встречах, назову лишь несколько тем докладов, состоявшихся в 1943–1944 гг: «Средневековая героика в теме о девяти витязях»; «М. В. Нестеров — национальный русский художник»; «Армянская миниатюра»; «Народное искусство Средней Азии»; «Русская художественная колония в Париже в начале

**Обложка программы заседаний
в Ленинградском Доме ученых**

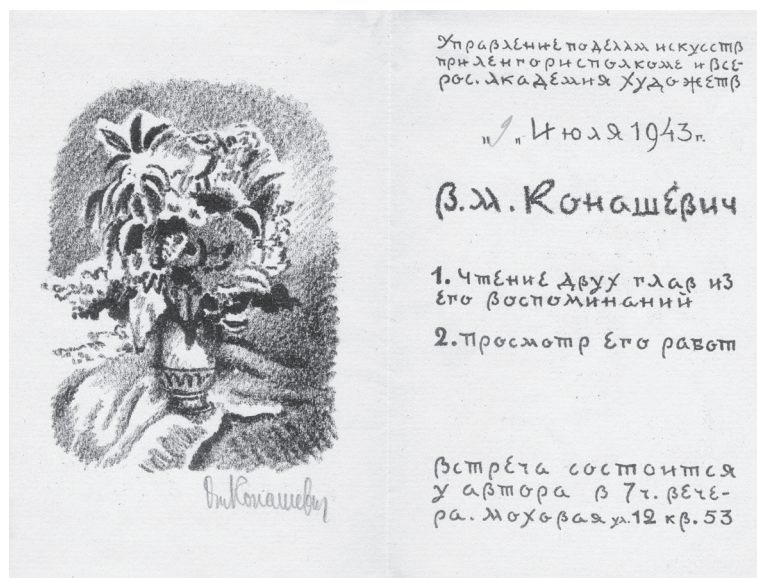
80-х годов XIX в.»; «Антикварная торговля Д. И. Фонвизина»; «Художник и учитель П. П. Чистяков (к 25-летию со дня смерти)»⁴⁹.

И только в июле 1943 г. П. Е. Корнилов сделал сообщение «Ленинградские художники за два года Отечественной войны», в прениях по которому было высказано сожаление, что «доклад, так всесторонне осветивший работу ленинградских художников за время войны, был заслушан сравнительно небольшой аудиторией, а председатель высказал пожелание, чтобы подобного рода информация повторялась Корниловым периодически»⁵⁰.

Собрания в Доме ученых с обсуждением на них столь серьезных культурно-исторических событий и проблем были лишь одной частью деятельности секции искусствоведения. Другой ее частью, не менее интересной и важной, были посещения мастерских художников, сопровождавшиеся просмотром новых произведений, комментариями и живой дискуссией с авторами. Только летом 1943 г. такие встречи были проведены в студиях В. М. Конашевича, В. П. Белкина, А. Ф. Пахомова и К. И. Рудакова.

В первую очередь искусствоведы навестили легендарную Анну Петровну Остроумову-Лебедеву. Она провела наглядную лекцию по искусству и технике гравирования на дереве, затем читала новые отрывки из второго тома автобиографических записок.

О посещении мастерской В. М. Конашевича Корнилов позже написал: «Его рисунки-акварели, отмеченные некоторой суровостью, были примечательны и многим отличались от

Пригласительный билет на встречу в мастерской В. М. Конашевича 9 июля 1943 г.

П. Е. Корнилов в мастерской К. И. Рудакова. 1943 г.

мирных работ. Сам он, видимо, был тронут тем, что люди в такое трудное время, интересуясь его творчеством, пришли, невзирая на обстрелы.

Писатель Константин Федин — друг Владимира Михайловича, получив литографированное приглашение на этот “творческий вечер” художника, писал из Москвы: “В ту минуту я много дал бы, чтобы очутиться в Ленинграде и последовать приглашению этого билетика с букетом цветов”.

Теперь, когда все эти события ушли в далекое прошлое, я перебираю любовно исполненные приглашения, отпечатанные в 25–30 экземплярах ныне ушедшим из жизни, замечательным печатником Иваном Михайловичем Пожилцовым. Хорошо, что они сохранились как память о том суровом времени, когда мы, вопреки голоду, холоду, обстрелам и налетам, собирались вместе, чтобы осматривать работы художников, обсуждать, спорить о них, поддерживать друг друга. Мы были вместе, и от этого становились сильнее»⁵¹.

Уважительное упоминание в приведенном тексте им. И. М. Пожилцова абсолютно закономерно. Без его участия исполнение даже малого тиража было бы проблематично. Но рисунок на камне делали сами художники. Если же намечалось мероприятие мемориально-

ретроспективного характера, то, как и до войны, Корнилов обращался к Николаю Александровичу Павлову. Поэтому портреты на памятные вечера И. Е. Репина, П. П. Чистякова, В. А. Серова, В. Д. Поленова, К. С. Петрова-Водкина выполнены им. Эти литографированные билеты уникальны в творческом, эмоциональном и документальном значении. Они и сейчас бережно хранятся в архиве нашей семьи, свидетельствуя о том, что в осажденном Ленинграде не прекращалась научная и художественная жизнь.

Подходил к концу 1943 год. Обстановка на фронтах коренным образом изменилась. 16 сентября отечественными войсками был освобожден Новороссийск, 6 ноября — Киев. Несмотря на ожесточенные бои на западном направлении, Советская Армия освободила часть Калининской, всю Смоленскую, часть Полоцкой, Витебской, Могилевской, Гомельской областей и вышла к Полесью. Готовилась операция по разгрому фашистских войск под Ленинградом.

Во второй половине декабря Петр Евгеньевич вновь приехал в Казань, где произошла волнующая встреча с родными. Было много расспросов, рассказов; обсуждались планы возвращения Игоря в Ленинград.

Командировка планировалась краткосрочной, но по согласованию с Обкомом ВКП(б) Корнилов был задержан дирекцией Краеведческого музея Татарской АССР и Управлением по делам искусств при Совнаркомом ТАССР до 15 января 1944 г. в связи с необходимостью завершить цикл работ, начатых им по реэкспозиции художественной галереи Музея. Для отчета в Ленинграде ему была выдана справка:

«Р.С.Ф.С.Р.
Центральный
Краеведческий музей
Татарской Автономной Советской
Социалистической Республики
5 января 1944 г.
№ 2

Справка

Дана Члену Ученого Совета Гос. Русского Музея т. КОРНИЛОВУ П. Е. в том, что им, за время пребывания в командировке в г. Казани проведена следующая работа:

Доклад "Художественная жизнь Ленинграда во время войны". Центр. Краевед. Музей ТАССР и ССХ Дом Парторга.

Доклад "Художественная и музейная жизнь Ленинграда". Центр. Краевед. Музей ТАССР. Участвовал в музейном совещании по вопросу реэкспозиции худож. отдела ЦКМ.

Организована выставка графических произведений ленинградских художников времени войны.

Проведен курс по истории русского искусства для учащихся Казанской Худож. Школы.

Лекция: “Основные этапы истории русского искусства” для студентов Педагогического ин-та.

Доклады: “Художественная жизнь Казани в прошлом и настоящем”: 1. Изобразительное искусство Казани до Октябрьской революции. 2. Современное изобразительное искусство Казани. Центр. Краевед. Музей ТАССР.

Написана статья для газеты “Красная Татария” — “Искусство Казани”.

Написан план раздела экспозиции “Казанские Художники”.

Директор Музея
(Дьяконов)⁵²

Утром 14 января после мощной артиллерийской подготовки были приведены в боевую готовность войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов. Первой со стороны Ораниенбаумского плацдарма перешла в наступление 2-я ударная армия Ленинградского фронта под командованием генерала И. И. Федюнинского. На следующий день ей навстречу из района Пулковских высот начали выступать части 42-й армии генерала И. И. Масленникова. Одновременно перешли в наступление войска левого крыла Волховского фронта в направлении на Новгород.

Спротивление немцев было отчаянным, но все-таки уже 19 января недалеко от Ропши соединились передовые части 2-й и 42-й армий. Фашисты, оборонявшиеся в районе Петергофа и Стрельны, были окружены и уничтожены. 20 января войсками Волховского фронта был освобожден Новгород. Днем раньше гитлеровцы провели последний бессмысленный артиллерийский обстрел Ленинграда. 27 января соединения Советской Армии отбросили фашистов на 70–100 км от города. Были освобождены дороги, связывающие город с центром страны. Вот как описывает в своем дневнике это событие А. П. Остроумова-Лебедева: «Великий день всей нашей страны! 27 января наш героический Ленинград совсем освобожден от тисков вражеских разбойников. Сегодня по радио сообщили приказ войскам Ленинградского фронта. Что после этого было! Все обнимались, целовались, кричали, плакали. Потом начался салют ленинградским войскам, освободившим Ленинград. Какое грандиозное зрелище мы пережили! 24 залпа из 324 орудий. Орудия стреляли с военных судов и с разных концов Ленинграда — орудия у Смольного, на Марсовом поле, на Дворцовой площади и во многих других местах. Это было в 8 часов вечера. Ночь была темная. Огненные фонтаны красных, зеленых, голубых и белых ракет взлетели в небо. Кругом раздавались крики “Ура” обезумевших от радости людей...»⁵³ Корнилов в этот день был уже в Ленинграде и радовался вместе со всеми.

**Пригласительный билет на открытие выставки «Героическая оборона Ленинграда».
1944 г.**

В дни начала наступления в Ленинград из Перми, где хранились эвакуированные музейные экспонаты, прибыл директор Русского музея Петр Казимирович Балтун. Утром 27 января состоялось заседание Ученого совета, на котором обсуждался вопрос о готовности произведений к реэвакуации, но отсутствие благоприятных условий для их размещения в поврежденных зданиях Русского музея откладывало это событие на неопределенный срок.

Для художественной жизни Ленинграда 1944 год характерен необыкновенной активизацией выставочной деятельности на самых разных площадках. Экспозиции были разными по масштабу, составу участников, но большинство из них, конечно, объединяла тема войны и блокады. Как руководитель изоотдела Управления по делам искусств, Корнилов имел к ним самое непосредственное отношение.

Не прошло и месяца со дня полного освобождения города от фашистского окружения, как 23 февраля в Соляном городке была открыта выставка «Героическая оборона Ленинграда», которая позже была преобразована в Музей обороны Ленинграда.

В рамках мероприятий, проводимых секцией искусствования, в Ленинградском Доме ученых 5 мая открылась экспозиция произведений В. М. Измайловича. Тогда же состоялся

творческий вечер, на котором выступали М. В. Доброклонский и П. Е. Корнилов. Они же написали небольшую вступительную статью в каталог, изданный к выставке.

2 июля впервые за годы войны открыл свои двери для посетителей Государственный Русский музей. В нескольких залах, которые удалось спешно отремонтировать, начала работу Вторая выставка художников Ленинградского фронта. На ней экспонировались и работы моего отца, находившегося в действующей армии.

В 1944 г. отмечалась 100-летняя годовщина со дня рождения И. Е. Репина. К этой дате в музее открылась выставка его произведений, проведено торжественное заседание и научная конференция. О творчестве Репина были зачитаны доклады и лекции в воинских частях и госпиталях.

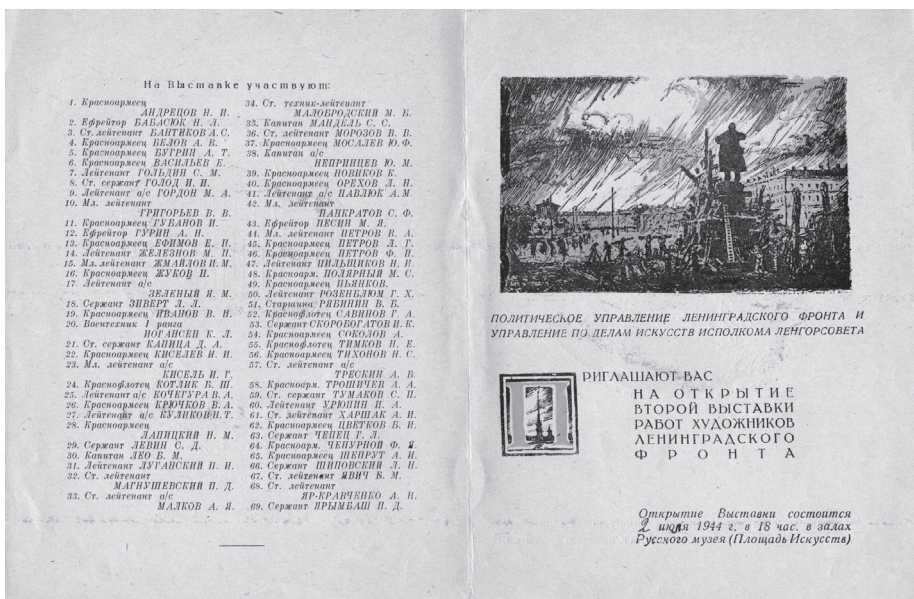
О следующем вернисаже, который состоялся 24 сентября, в статье, опубликованной в газете «Ленинградская правда», М. В. Доброклонский писал: «Не успела закрыться юбилейная выставка Репина, в свою очередь сменившая вторую выставку художников-фронтовиков, как в том же помещении Русского музея опять новая экспозиция. На этот раз — групповая выставка пяти художников, пяти ленинградцев: В. М. Конашевича, В. В. Пакулина, А. Ф. Пахомова, К. И. Рудакова, А. А. Стрекавина. В художественной летописи города — это несомненное событие, и вместе с тем, большая радость для всех, кто искренне любит искусство»⁵⁴. Для Корнилова это тоже было событие, поскольку с тремя из участников его связывали теплые дружеские отношения.

К выставке был издан каталог, для которого Конашевич выполнил элегантную, стильную обложку. В часть тиража были вручную вклеены авторские литографии всех пяти участников. Сейчас это несомненный раритет, мечта любого библиофила.

Линия фронта уходила на запад. Жизнь в городе, хотя медленно и тяжело, но налаживалась. Несмотря на трудности, летом 1944 г. в Ленинград, в стены Академии, из эвакуации вернулся Институт живописи, скульптуры и архитектуры, которому 4 августа постановлением СНК СССР было присвоено имя И. Е. Репина. Надо было готовить помещения к началу занятий в новом учебном году. Студенты, преподаватели, служащие с полной отдачей включились в эту тяжелую работу.

В. М. Конашевич. Каталог выставки пяти художников Государственном Русском музее. 1944 г.

Пригласительный билет на Вторую выставку работ художников Ленинградского фронта. Государственный Русский музей. 1944 г.

Почти за 25 лет Корниловым был накоплен огромный опыт в сфере научной и практической музейной деятельности. И он с радостью принял предложение руководства факультета теории и истории искусства о чтении курса лекций по истории русской графики. Вряд ли кто-то другой в Ленинграде обладал такими знаниями в этой области. Петр Евгеньевич всегда ценил живое общение, диалог, всегда был готов делиться любой имеющейся у него информацией.

Местом такого общения для него и его коллег в тяжелые блокадные месяцы стал Дом ученых. Но после полного освобождения города от блокады и выхода из войны Финляндии в сентябре 1944 г., обстановка там изменилась. При Ленинградском Доме ученых был создан Комитет содействия восстановлению Ленинграда, который сразу распространил по секциям директивное обращение, где, в частности, говорилось: «Дом ученых должен стать объединяющим и организующим центром всех научных сил, включившихся в почетную задачу восстановления родного города. Здесь именно должны найти свое решение наиболее крупные проблемы теоретического и технического порядка, связанные с восстановлением промышленности и хозяйства Ленинграда»⁵⁵. Далее в обращении делался акцент на самое широкое вовлечение в работу секций инженерно-технических работников предприятий города, представителей заинтересованных вузов и научно-исследовательских институтов.

В такой атмосфере существование секции искусствоведения, с ее духом творческих исторических изысканий и обменом мнениями, становилось несколько чужеродным. И становилось ясно, что каждый из ее членов непосредственно на своем рабочем месте — в Эрмитаже, Русском музее, Академии художеств, в Ленинградском университете — принесет гораздо больше пользы делу возрождения города, чем в ситуации строго регламентированных взаимоотношений.

Последний сохранившийся в архиве Корнилова протокол заседания секции датирован 20 июля 1945 г. Присутствовало только семь человек. Короткую статью, где конспективно подводятся итоги работы, Петр Евгеньевич завершает фразой: «Секция, вступая в новый сезон своей работы, выражает желание видеть ее столь же активной и целеустремленной, как это было раньше»⁵⁶.

В декабре 1944 г. Корнилов получил приглашение юбилейной комиссии принять участие в сессии ученого совета Государственного музея ТАСССР, проводимой 25–28 декабря в связи с 50-летием музея. Не поехать он не мог.

Программа была очень насыщенной. Помимо пленарных заседаний, проходили заседания по секциям — исторической, биологической, литературной и искусствоведческой. В плане последней значились четыре доклада, два из которых сделал Корнилов.

Свободное время, насколько это было возможно, он проводил с семьей. Конечно, были разговоры о будущем Игоря, о выборе профессии, о дальнейшей учебе. Возможно, результатом этих бесед стало высказанное в письме родителям от 20 марта 1945 г. намерение Игоря

посвятить себя архитектуре. Отлично зная специфику этой профессии и ее образовательного процесса, Петр Евгеньевич в ответном письме сыну высказал свое мнение: «Быть архитектором — желание похвальное, но оно зависит всецело от тебя. Учись владеть рисунком. Сколько лет ты пропустил напрасно. Помнишь, как я советовал тебе заниматься рисованием. Теперь бы ты был вполне зрелым, а тебе в 18 лет приходится делать то, что делают еще в детском возрасте»⁵⁷. Игорь серьезно отнесся к отцовскому наставлению и начал усиленно заниматься, ликвидируя свои пробелы под руководством казанского художника Василия Кирилловича Тимофеева (1891–1968). Вернувшись после окончания войны в Ленинград, он продолжил подготовку уже непосредственно по программе вступительных экзаменов, которые успешно сдал и был зачислен на первый курс архитектурного факультета Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

2 мая пал Берлин. В 6 часов 30 минут генерал Г. Вейдлинг, командующий обороной столицы рейха, объявил о капитуляции его гарнизона. А 9 мая в Карлхорсте — восточном пригороде Берлина, в 0 часов 43 минуты состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии. Радость была безмерной, особенно на фронтах. Вместе со страной праздновал этот великий день и Ленинград. Привожу строки из воспоминаний П. К. Балтуна: «В городе на широких проспектах, площадях и скверах царило общее оживление. Знакомые и незнакомые обменивались своими чувствами. И мы, сотрудники музея, поставили перед собой цель — открыть музей к годовщине Великой Победы»⁵⁸. Сделать это было невероятно сложно. И дело было не только в полном отсутствии необходимых строительных материалов и квалифицированных специалистов, занятых на других объектах. Остро встал кадровый вопрос — о музейных сотрудниках. П. К. Балтун пишет: «Ядро опытных работников, и среди них такие крупные специалисты, как Ю. Н. Дмитриев, П. Е. Корнилов, Г. Е. Лебедев, Г. М. Преснов, А. Н. Савинов, М. В. Фармаковский, было носителем высоких традиций научной, хранительской и музейной практики...»⁵⁹. Воспринимая эти традиции, вокруг них начал формироваться коллектив вновь пришедших на работу в музей историков и искусствоведов, как людей с опытом работы, так и молодых выпускников Ленинградского университета и Института им. И. Е. Репина.

14 октября 1945 г. случилось событие, к которому готовились и которого ждали — эшелон с музейными ценностями, находившимися в эвакуации, сопровождаемый военной охраной, прибыл в Ленинград. Фактически с этого момента началась планомерная, научно и экономически обоснованная работа по восстановлению музея. Собственно, она велась и ранее как маленьким коллективом, оставшимся в осажденном Ленинграде, так и сотрудниками, внимательно следившими за сохранностью экспонатов, вывезенных на Урал. Они жили с верой в Победу и с твердой надеждой на возрождение.

Детальный осмотр поврежденных дворцовых интерьеров повлек за собой изменения в экспозиционных планах. Было принято решение о проведении первоочередных ремонтно-

реставрационных работ в залах первого этажа, где 9 мая 1946 г. должна была открыться экспозиция «Русское реалистическое искусство XIX века».

Этот напряженный, созидательный процесс для Корнилова был омрачен печальным событием. 12 ноября 1945 г. ушел из жизни Всеволод Владимирович Воинов. Ему было 65 лет. Напомню, что Петр Евгеньевич стал его преемником в должности руководителя Графического отдела Русского музея. И личность Воинова — художника, историка искусства, музейного деятеля и просветителя — была для него всегда высокочтимой.

Две недели спустя, 27 ноября, Отдел графики Государственного Русского музея провел первое с начала войны научное заседание. Оно было посвящено жизни и творчеству Павла Андреевича Федотова (1815–1852). Второе заседание было назначено на 4 декабря. Так постепенно налаживался ритм работы. Позднее в январе 1946 г. было проведено научное заседание, посвященное самому Воинову.

Эту статью мне хочется закончить очень важной датой в жизни Корнилова. 1 марта 1946 г. исполнилось 25 лет с начала его научно-музейной деятельности. Этому событию был посвящен памятный вечер. В адрес ученого было сказано много добрых слов, зачитаны поздравительные письма и телеграммы. В их числе был сонет-акrostих, написанный

Пригласительный билет на заседание, посвященное 25-летию научно-музейной работы П. Е. Корнилова

В. В. Воиновым еще а Алма-Ате в сентябре 1943 г. Я не знаю, получил ли его Петр Евгеньевич тогда, или автор вручил ему текст лично по возвращении из эвакуации в Ленинград, но в этом стихотворении, пусть немного пафосно, дана истинная оценка самоотверженному труду ученого на поприще искусства.

«Петру Евгеньевичу Корнилову

СОНЕТ-АКРОСТИХ

Передо мной стоит твой облик благородный,
Его не заслонят превратности судьбы,
Ты — символ для меня упорнейшей борьбы,
Решимости и доблести свободной...
Умеешь жертвовать ты самым дорогим,
Когда твой долг зовет тебя к работе;
Отдать готов и отдаешь с охотой
Родной стране себя всегда неколебим.
Нежнейших чувств своих при этом не теряешь,
Искусству преданный ему не изменяешь,
Любви к семье и к людям верен ты.
Огонь пальбы видал, и усталь до упада,
Видал и смерть друзей, страданья Ленинграда —
Увидишь ты еще и счастья цветы!

Алма-Ата
13.IX.43
Вс. ВОИНОВ»⁶⁰

¹ См.: Новейшая история России. 2012. № 2 (04); 2013. № 1 (06); 2014. № 1 (09); 2015. № 2 (13).

² Щекатихина-Потоцкая Александра Васильевна (1892–1967) — живописец, театральный художник, художник по фарфору. Жена И. Я. Билибина.

³ Архив П. Е. Корнилова.

⁴ Там же.

⁵ Курдов Валентин Иванович (1905–1989) — живописец, график, книжный иллюстратор. Закончил Высший художественно-технический институт в 1926 г. В годы Великой Отечественной войны находился в Ленинграде, выезжал на Волховский фронт и в партизанский отряды. Народный художник РСФСР.

⁶ Манизер Матвей Генрихович (1891–1966) – скульптор. Учился в Академии художеств (1911–1916). Автор многих памятников, скульптур для московского метрополитена и портретов. Народный художник СССР. Действительный член Академии художеств СССР, профессор.

⁷ Серов Владимир Александрович (1910–1968) — живописец, график. Закончил Институт пролетарского изобразительного искусства в 1931 г. В годы Великой Отечественной войны — председатель Ленинградского Союза советских художников. Народный художник СССР. Действительный член Академии художеств СССР. В 1962–1968 гг. — Президент Академии художеств СССР.

⁸ Курдов В. И. В Союзе художников // Художники города-фронта. Л., 1973. С. 252.

⁹ Муратов Николай Евгеньевич (1908–1992) — график, книжный иллюстратор, карикатурист. Окончил Ленинградский художественно-промышленный техникум в 1928 г. Работал в ленинградских газетах и журналах: «Смена», «Ленинские искры», «Бегемот», «Чиж», «Костер». Член объединения «Боевой карандаш» с 1939 г. Заслуженный художник РСФСР.

¹⁰ Власов Василий Адрианович (1905–1979) — график, книжный иллюстратор. Учился в Высшем художественно-техническом институте в 1925–1927 гг. Работал в Детгизе под руководством В. В. Лебедева. С мая 1942 г. — художник в Штабе партизанского движения Волховского фронта.

¹¹ Курдов В. И. В Союзе художников. С. 256.

¹² Серебряный Иосиф Александрович (1907–1979) — живописец. Закончил Институт пролетарского изобразительного искусства в 1931 г. В годы Великой Отечественной войны находился в Ленинграде. В 1942 г. был в партизанском отряде. Председатель правления Ленинградского отделения Союза Советских художников — 1954–1957 гг. Народный художник РСФСР, Член-корреспондент Академии художеств СССР, профессор.

¹³ Пинчук Вениамин Борисович (1908–1987) — скульптор. Закончил Институт пролетарского изобразительного искусства в 1932 г. В годы Великой Отечественной войны находился в Ленинграде. Автор многих памятников. Народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, профессор.

¹⁴ Казанцев Анатолий Алексеевич (1908–1984) — живописец. Закончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры в 1938 г. В годы Великой Отечественной войны находился в Ленинграде. Преподавал в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище имени В. И. Мухомовой. Профессор, Заслуженный деятель искусств РСФСР.

¹⁵ Земцова Анна Марковна (1904–1989) — искусствовед. В годы Великой Отечественной войны — заведующая отделом выставок ЛССХ.

¹⁶ Земцова А. Выставки // Художники города-фронта. Л., 1973. С. 79–80.

¹⁷ Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. М., 1974. Т. III. С. 281–282.

¹⁸ Там же. С. 287.

¹⁹ Научный архив Российской академии художеств. Ф. 7. Оп. 3. Ед. хр. 412.

²⁰ Архив П. Е. Корнилова.

²¹ Там же.

²² Прокофьев Александр Андреевич (1900–1971) — поэт, переводчик, общественный деятель, участник гражданской и советско-финской войн. В годы Великой Отечественной войны работал в творческой группе при Политуправлении Ленинградского фронта. Лауреат Государственной премии СССР.

²³ Архив П. Е. Корнилова.

²⁴ Сталинские Соколы на защите Ленинграда. Л., 1942. С. 3.

²⁵ Архив П. Е. Корнилова.

²⁶ Яр-Кравченко Анатолий Никифорович (1911–1983) — график, живописец. Учился в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры в 1932–1938 гг. В годы Великой Отечественной войны служил

в действующей армии. Народный художник РСФСР. В 1964–1976 гг. — главный художник Агентства печати «Новости».

²⁷ Архив П. Е. Корнилова.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Прошкин Виктор Николаевич (1906–1983) — живописец. Закончил Ленинградский Высший художественно-технический институт в 1930 г. В годы Великой Отечественной войны — ответственный секретарь Правления ЛССХ. Преподавал в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В. И. Мухомовой. Профессор.

³³ Архив П. Е. Корнилова.

³⁴ Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) — литературовед, советский государственный и общественный деятель. В годы Великой Отечественной войны — председатель Комитета по делам искусств Совета Народных Комиссаров СССР. Член-корреспондент Академии наук СССР.

³⁵ Архив П. Е. Корнилова.

³⁶ Прошкин В. Н. В блокадные дни // Художники города-фронта. Л., 1973, С. 27.

³⁷ Архив П. Е. Корнилова.

³⁸ Дормидонтов Николай Иванович (1898–1962) — живописец, график. Закончил Высшие художественно-технические мастерские в 1922 г. Член объединения Ассоциации художников революционной России. В годы Великой Отечественной войны находился в Ленинграде.

³⁹ См.: Харшак А. А. Петр Евгеньевич Корнилов (1896–1981). Творческий путь. Становление // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 153–174.

⁴⁰ Архив П. Е. Корнилова.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Корнилов П. Е. Мы были вместе // Подвиг века. Л., 1969. С. 118–119.

⁴⁸ Архив П. Е. Корнилова.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Корнилов П. Е. Мы были вместе. С. 122–123.

⁵² Архив П. Е. Корнилова.

⁵³ Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. Т. III. С. 347.

⁵⁴ Доброклонский М. Выставка пяти художников // Ленинградская правда. 1944. 5 октября.

⁵⁵ Архив П. Е. Корнилова.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Балтун П. К. Русский музей. Эвакуация, блокада, восстановление. М., 1981. С. 83.

⁵⁹ Там же. С. 88.

⁶⁰ Архив П. Е. Корнилова.

УДК 069

Харшак А. А. Петр Евгеньевич Корнилов (1896–1981). Творческий путь. Воскрешение // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 131–172.

АННОТАЦИЯ: Предлагаемая статья является продолжением исследования биографии историка искусства, музейного работника, педагога, редактора и коллекционера — Петра Евгеньевича Корнилова (начало см. в № 2 (04) за 2012 г., № 1 (06) за 2013 г., № 1 (09) за 2014 г. и № 2 (13) за 2015 г.). В ней рассматривается его деятельность с мая 1942 г. по март 1946 г., в период, когда кроме заведования Отделом графики Государственного Русского музея, он занимал должность старшего редактора издательства «Искусство» и возглавлял Отдел изобразительного искусства в Управлении по делам искусств Исполкома Ленгорсовета. Это время тяжелейших испытаний для всех жителей Ленинграда, из последних сил борющихся и отстоявших город в годы фашистской блокады. Самоотверженный труд, творческая и научно-просветительская деятельность художников, музейных хранителей, издательских работников и руководителей учреждений культуры рассматривается на основе как опубликованных документальных материалов, так и материалов, хранящихся в архиве семьи П. Е. Корнилова и ранее не публиковавшихся. Прорыв Блокады Ленинграда, полное освобождение города и, наконец, Победа советского народа в Великой Отечественной войне в мае 1945 г. — вот те исторические вехи, определившие судьбы сотен тысяч людей, сплотившихся и победивших в борьбе с фашизмом. Предлагаемый материал показывает первые шаги и действия художественной интеллигенции по возрождению культурных процессов в Ленинграде в последние месяцы войны и в первый год мирной жизни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: открытки, Дом ученых, М. В. Доброклонский, Н. И. Пильщиков, пригласительные билеты, Управление по делам искусств, Союз советских художников, выставки, снятие блокады Ленинграда.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: заслуженный художник Российской Федерации, почетный член Российской Академии художеств (Санкт-Петербург, Россия); kharshak@yandex.ru

Kharshak A. A. Peter Yevgenyevich Kornilov (1896–1981). Creative Development

ABSTRACT: The proposed chapter continues the biographic study of an art historian, a museum worker, a pedagogue, an editor and a collector Piotr Evgenievich Kornilov (see the previous chapters in No. 2 (04) 2012, No. 1 (06) 2013, No. 1 (09) 2014 and No. 2 (13) 2015). The author describes his activity from May 1942 to March 1946, when besides being the Head of Graphic Arts Department of the Russian Museum he also worked as senior editor of the publishing company “Art” and was the head of the Visual Arts Department in the Department of Culture of the Leningrad city council executive committee. It was the time of extreme conditions for all Leningrad residents who fought and defended the city during Blockade. The selfless work, creative activity and public awareness campaign led by painters, museum and publishing workers as well as by the heads of cultural establishments is overviewed on the basis of published documentary materials and unpublished documents from Kornilov’s family archive. Such milestones as the breach of the Leningrad Blockade, lifting of the blockade and, finally, the victory of Soviet People in the Great Patriotic war in May 1945 determined destinies of hundreds of thousands people who closed the ranks and won the fight against the fascism. This material demonstrates the art representatives’ first steps and actions undertaken to revive the cultural processes in Leningrad in the last months of the war and the first year of peaceful life.

KEYWORDS: Cards, Memorable Meeting, the House of Scientists, M.V. Dobroklonsky, N.I. Pilshchikov, Defenders of Leningrad Sky, Arts Service, Union of Soviet Artists, Exhibitions, Reversal of Leningrad Blockade.

AUTHOR: Honoured Artist of Russian Federation, honorary member of the Russian Academy of Arts (St. Petersburg, Russia);
kharshak@yandex.ru

REFERENCES:

- ¹ Kurdov V. I. 'V Sojuze hudozhnikov' in *Hudozhniki goroda-fronta* (Leningrad, 1973).
- ² Zemzova A. 'Vystavki' in *Hudozhniki goroda-fronta* (Leningrad, 1973).
- ³ Ostroumova-Lebedeva A. P. *Avtobiograficheskie zapiski*, Vol. III (Moscow, 1974).
- ⁴ Proshkin V. N. 'V blokadnye dni' in *Hudozhniki goroda-fronta* (Leningrad, 1973).
- ⁵ Kharshak A. A. 'Petr Evgen'evich Kornilov (1896–1981). Tvorcheskij put'. Stanovlenie', *Novejšaja istorija Rossii*, no. 2, 2012.
- ⁶ Kornilov P. E. 'My byli vmeste' in *Podvig veka* (Leningrad, 1969).
- ⁷ Dobroklonskiy M. 'Vystavka pjati hudozhnikov', *Leningradskaia Pravda*, 1944, 5 October.
- ⁸ Baltun P. K. *Russkij muzej. Jevakuacija, blokada, vosstanovlenie* (Moscow, 1981).